

DOI: 10.31696/S086919080033723-2

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ:
ТАКТИЧЕСКОЕ ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО?¹© 2025 А.В. КОРОТАЕВ ^{a, b, c}, Т.Р. ХАЙРУЛЛИН ^{c, d, e}, А.И. ШЕЛКОВНИКОВ ^a^a – НИУ ВШЭ, Москва, Россия^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^c – Институт Африки РАН, Москва, Россия^d – СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия^e – Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия^{a, b, c} – ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com^{c, d, e} – ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru^a – ORCID: 0000-0002-1630-0310; andyshelk68@gmail.com

Резюме: В статье дается анализ саудовско-эмиратского альянса, сформировавшегося после событий «арабской весны» в качестве реакции на усиление турецко-катарского альянса. Общей точкой соприкосновения в процессе сближения Саудовской Аравии и ОАЭ послужило настороженное отношение к поддерживаемой Катаром и Турцией транснациональной организации «Братья-мусульмане» (ал-ихван ал-муслимун)². Проповедуемые «ихванами» исламистские взгляды входят в противоречие с доминирующей в Эр-Рияде и Абу-Даби консервативной идеологией и несут ей прямую угрозу. Кроме того, самостоятельная региональная политика Катара, в частности, укрепление ее финансово-экономического потенциала, а также сближение с Турцией стали дополнительными факторами, побудившими Саудовскую Аравию и ОАЭ вступить в неформальный союз. Активные контрдействия саудовско-эмиратского блока в сочетании с целым рядом других факторов привели к заметным потерям позиций «Братьев-мусульман» и их покровителей, но не ликвидировали их потенциал. Авторы рассматривают основные особенности отношений Саудовской Аравии и ОАЭ. Особое внимание уделяется историческим предпосылкам соперничества монархий, подробно анализируются противоречия в их региональных стратегиях после «арабской весны». В последние годы все более важным фактором становится их конкуренция в экономике и в дипломатической сфере. В целом, ОАЭ проявили себя более прагматичным игроком, способным не только завершать противостояния, которые становились им не выгодны, но и формировать новые союзы. Несмотря на различия в региональной стратегии, саудовско-эмиратский блок, сформированный в ответ на вызовы «арабской весны», стал одним из наиболее значимых факторов в региональной политике и трансформации баланса сил на Ближнем Востоке и в Африке. Делается вывод о том, что соперничество между Эр-Риядом и Абу-Даби будет нарастать, и это связано как со становлением Абу-Даби как нового центра силы, так и вопросами более широких дипломатических и экономических противоречий.

Ключевые слова: ОАЭ, Саудовская Аравия, альянс, соперничество, региональное лидерство, баланс сил, Ближний Восток, Африка, «арабская весна»

¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 116471555.² Запрещенная в РФ организация.

Для цитирования: Коротаев А.В., Хайруллин Т.Р., Шелковников А.И. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты: тактическое или стратегическое партнерство? *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 195–207. DOI: 10.31696/S086919080033723-2

SAUDI ARABIA AND UNITED ARAB EMIRATES: TACTICAL OR STRATEGIC PARTNERSHIP?

© 2025

Andrey V. KOROTAYEV ^{a, b, c}, Timur R. KHAYRULLIN ^{c, d, e},
Andrey I. SHELKOVNIKOV ^a

^a – HSE University, Moscow, Russia

^b – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^c – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^d – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^e – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

^{a, b, c} – ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com

^{c, d, e} – ORCID: 0000-0001-5418-2792; jumglaw16@yandex.ru

^a – ORCID: 0000-0002-1630-0310; andyshelk68@gmail.com

Abstract: *The article analyzes the Saudi-Emirati alliance formed after the events of the Arab Spring as a reaction to the strengthening of the Turkish-Qatari alliance. The common point of contact in the process of rapprochement between Saudi Arabia and the UAE was the fear and suspicion of the transnational organization Muslim Brotherhood supported by Qatar and Turkey. The Islamist views preached by the “Ikhwans” pose a direct threat to the conservative ideology dominant in Riyadh and Abu Dhabi. In addition, Qatar’s independent regional policy, particularly the growth of its financial and economic potential, as well as its rapprochement with Turkey, became additional factors that led Saudi Arabia and the UAE to form an informal alliance. The active countermeasures of the Saudi-Emirati bloc led to noticeable losses in the positions of the Muslim Brotherhood and its patrons, but did not eliminate its potential. Special attention is paid to the historical background of the monarchies’ rivalry, and contradictions in their regional strategies after the Arab Spring are analyzed in detail. It concludes that the rivalry between Riyadh and Abu Dhabi will intensify, which is related both to the formation of a new power center in Abu Dhabi and the issues of broader diplomatic and economic contradictions. Despite the differences in regional strategy, the Saudi-Emirati bloc, formed in response to the challenges of the Arab Spring, has become one of the most significant factors in regional politics and the transformation of the power balance in the MENA region.*

Keywords: UAE, Saudi Arabia, alliance, rivalry, regional leadership, balance of power, Middle East, Africa, Arab Spring

For citation: Korotayev A.V., Khayrullin T.R., Shelkovnikov A.I. Saudi Arabia and United Arab Emirates: Tactical or Strategic Partnership? *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 195–207. DOI: 10.31696/S086919080033723-2

ВВЕДЕНИЕ

События «арабской весны» существенно повлияли на конфигурацию сил на геополитической карте Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Помимо традиционных

игроков – Египта, Саудовской Аравии, Ирана, Ирака, Израиля, борющихся за укрепление позиций в регионе, в период «арабской весны» появились новые претенденты на региональное лидерство в лице Катара, Турции, ОАЭ. Более того, произошло стратегическое объединение сил между Катаром и Турцией, которые на фоне роста протестных выступлений попытались укрепить свои позиции в ряде стран БВСА.

Наряду с использованием финансовых и дипломатических рычагов, катарско-турецкий альянс поддержал различные исламистские движения, в основном, связанные с «Братьями-мусульманами» (*ал-ихван ал-муслимун*). В частности, падение авторитарного режима в Египте привело «братьев» к власти [Ketchley, 2017], в Тунисе к власти пришла близкая к ихванам исламистская партия «Ан-Нахда» [Madini, 2014], в Ливии – ливийское отделение «Братьев-мусульман», Партия справедливости и строительства [Ali, 2011; Grinin et al., 2019, p. 195–197]. В Марокко исламистская Партия справедливости и развития, близкая к «братям», заняла лидирующие позиции в парламенте, а в Йемене, Иордании и Сирии филиалы «братьев» возглавили протестные выступления [Васильев и др., 2019]. Беспрецедентное усиление позиций транснациональной организации «Братья-мусульмане» и их покровителей в лице Катара и Турции не могли не вызвать реакции со стороны консервативно настроенных кругов, в особенности суннитских монархий во главе с Саудовской Аравией.

До событий «арабской весны» внешнеполитический вектор монархий Персидского залива развивался в рамках контуров, формируемых Саудовской Аравией. Однако «арабская весна» обнажила скрытые противоречия между рядом монархий – членов организации. Активную роль в выстраивании самостоятельной политики продемонстрировал Катар, который, сблизившись с Турцией, бросил вызов лидирующим позициям Саудовской Аравии в регионе.

Исходя из того, что по отдельности Катар и Турция имели мало шансов добиться лидирующих позиций в БВСА, объединение катарской финансовой мощи и турецкого военно-политического потенциала способствовало формированию крайне эффективного альянса, сопоставимого с региональными позициями Саудовской Аравии или Ирана. Важнейшую роль в освещении событий «арабской весны» сыграл мощнейший медиаресурс Катара – телеканал Аль-Джазира, который в т.ч. способствовал росту популярности «Братьев-мусульман» в регионе [Хайруллин, Коротаев, 2022(1)].

Для Саудовской Аравии ассоциация «Братья-мусульмане», в которой преобладают умеренные исламистские взгляды о республиканской форме правления и сочетаемости исламских принципов управления государством с демократическими ценностями, представляют прямую угрозу существованию монархического строя. Кроме того, эти идеи идут вразрез с официальным консервативным исламом Саудовской Аравии [Васильев, 1999]. Более того, победа на президентских выборах представителя «Братьев-мусульман» М. Мурси в Египте в 2012 г. и последующий обмен визитами с иранским коллегой обозначили возможность установления дружественных отношений между Египтом и Ираном. Для Саудовской Аравии египетско-иранское сближение несло прямую угрозу государственной безопасности и интересам в регионе. Отметим, что ОАЭ разделяли беспокойство Эр-Рияда, что обусловило переход к принятию саудовцами и эмиратами активных действий по нивелированию новых угроз.

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ЭР-РИЯДА И АБУ-ДАБИ

Возникновение новой региональной угрозы в лице катарско-турецкого альянса ситуативно способствовало сближению Саудовской Аравии и ОАЭ. Эмираты продемонстриро-

вали принципиальную позицию в вопросах противодействия усилению Катара и Турции, а также росту исламистской угрозы в лице «Братьев-мусульман». ОАЭ, как и Саудовская Аравия, имеют давние отношения с «братьями», основавшими в стране в 1974 г. филиал под названием Аль-Ислах [Al-Noqaidan, 2010]. Его рост и известность были во многом обусловлены успехами отделений Аль-Ислах в Йемене и в Кувейте. Наблюдая рост популярности «Братьев-мусульман» в регионе, Эмираты опасались, что их приход к власти в любой из стран БВСА может вдохновить местное отделение на более активные действия с целью добиться политических перемен в ОАЭ, а также вызвать эффект домино, который затронет все монархии Персидского залива. ОАЭ своим инвестиционным климатом существенно выделяются на фоне других монархий Залива и стремятся стать мировым хабом в современных отраслях экономики; поэтому любое значительное усиление исламистов могло бы значительно изменить выстраиваемый годами образ, что для администрации ОАЭ крайне нежелательно.

В отличие от ОАЭ, остальные монархии Залива более терпимо относились к местным отделениям «Братьев-мусульман». Так, Бахрейн не был против Исламского минбара – бахрейнского филиала организации, имеющего дружеские связи с королевской семьей Аль-Халифа и выступающего против шиитской оппозиции. Кувейт также занял достаточно благожелательную позицию по отношению к местному отделению «Братьев-мусульман», которое участвовало в политической жизни государства и негласно выступало противником консервативным и радикально настроенным группировкам [Darwich, 2017]. В Омане влияние «Братьев-мусульман» практически отсутствует. Между тем, несмотря на терпимое отношение к этой Ассоциации, после «арабской весны» Бахрейн и Кувейт поддержали действия Саудовской Аравии и ОАЭ по ослаблению позиций «братьев» в регионе.

Помимо сдерживания специфической исламистской угрозы со стороны «Братьев-мусульман», Саудовская Аравия стремилась максимально нейтрализовать внешнеполитическую активность Катара, которая представляла опасность для региональных интересов саудовцев. Поддержавшие саудовскую стратегию ОАЭ также выступили против излишней самостоятельности Катара, поскольку видели в этом аравийском эмирате соперника. По словам высокопоставленного сотрудника службы безопасности Эмиратов, политика Катара в то время также воспринималась как «источник угрозы» национальной безопасности монархии [Ragab, 2017].

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

После того, как в 2011–2012 гг. «Братья-мусульмане» и близкие к ним исламистские движения при поддержке Катара и Турции пришли к власти в Египте, Тунисе, Марокко, Ливии и (по существу) в Йемене, а в Иордании, Йемене и Сирии возглавили протестные выступления, Саудовская Аравия совместно с ОАЭ перешли в «контрнаступление». Первые активные действия были предприняты на Аравийском полуострове для защиты монархий Залива от исламистской угрозы (в ее ихванском варианте, поддерживаемом Катаром и Турцией). В частности, силы ОАЭ участвовали в вооруженной операции Саудовской Аравии в Бахрейне в марте 2011 г. для подавления протестных выступлений. Более того, Саудовская Аравия и ОАЭ оказывали давление на других членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) с целью ослабить «Братьев-мусульман» в соответствующих странах и создать «среду безопасности» на Аравийском полуострове [Dickinson, 2014].

За пределами Аравийского полуострова саудовско-эмиратский блок предпринял активные действия в Египте, направленные на свержение поддерживаемого Катаром и Турцией

исламистского правительства М. Мурси [Ragab, 2017]. В результате «революции 30 июня» и «переворота 3 июля» к власти пришли военные во главе с Абдул Фаттахом ас-Сиси, которые получили финансовую поддержку Саудовской Аравии и ОАЭ на сумму около 12 млрд долл. [Васильев и др., 2019; Ketchley, 2017].

Наряду с успешным противодействием распространению влияния «Братьев-мусульман» в Египте, Саудовская Аравия и ОАЭ выступили против ливийского филиала «братьев», сделав опору на местные салафитские движения и военную коалицию во главе с Х. Хафтаром. В Тунисе саудовско-эмиратский блок, используя дипломатические каналы и влиятельные медиа-ресурсы, сумел внести определенный вклад в снижение популярности исламистской партии Ан-Нахда (которую в свою очередь поддерживал катарско-турецкий альянс) и ослабить ее позиции на следующих парламентских выборах. Благодаря саудовским усилиям, произошло ослабление позиций сирийских «Братьев-мусульман» в структурах сирийской оппозиции в эмиграции параллельно с усилением просаудовских повстанческих движений в самой Сирии. Саудовско-эмиратскому блоку удалось также ослабить позиции «Братьев-мусульман» в Иордании и в Марокко.

В Марокко ПСР начала ослабляться после 2016 г. когда местные салафитские движения перестали оказывать им поддержку из-за давления королевского двора, тесно связанного с Саудовской Аравией [Masbah, 2018] (большое значение при этом имела и смена лидера ПСР, фактически навязанная королем). В Иордании Саудовская Аравия сыграла важную роль в стабилизации социально-экономической ситуации, оказав в 2011–2014 гг. финансовую помощь Амману в размере 5 млрд долл. [Ayesh, 2018]. На Африканском Роге саудовско-эмиратский блок использовал финансовые и дипломатические рычаги для оказания давления на Судан, Эритрею и Сомали, чтобы они разорвали отношения с Ираном и присоединились к борьбе против «Братьев-мусульман» и их покровителей в лице катарско-турецкого альянса [Donelli, Dentice, 2020; Хайруллин, Коротаев, 2022(2)].

После саудовско-эмиратского «контрнаступления» Саудовская Аравия вслед за Египтом 7 марта 2014 г. объявила «Братьев-мусульман» террористической организацией. В 2014 г. ОАЭ (вслед за СА) приняли закон, официально причислявший Аль-Ислах, «Братьев-мусульман» и связанные с ними организации к террористам [List of Groups, 2014].

Отметим, что внешняя политика Саудовской Аравии и Эмиратов в период до «арабской весны» опиралась прежде всего на использование дипломатических и экономических путей продвижения своих интересов, а после к этому добавились силовые методы в разрешении региональных вопросов [Ragab, 2017]. По объемам расходов на оборону Эр-Рияд и Абу-Даби стали занимать первое и второе место среди членов ССАГПЗ соответственно [Tok, 2021].

Сближение Эр-Рияда и Абу-Даби на фоне региональных вызовов было формализовано в мае 2016 г. подписанием соглашения о создании саудовско-эмиратского координационного совета. Создание совета было направлено на реализацию совместных инициатив в военной, политической, экономической, торговой и культурной сферах. Это уникальный пример для государств ССАГПЗ, поскольку ранее подобных органов, направленных на координацию действий, между ними не создавалось. В ноябре 2017 г. в Абу-Даби первую встречу также провел эмиратско-саудовский комитет безопасности, объединивший представителей министерств внутренних дел двух стран. В июне 2018 г. в ходе первого заседания координационного совета было объявлено о совместном видении интеграции, получившем название «Стратегия решимости», одной из осей которой стали вопросы безопасности и военного сотрудничества.

ИСТОРИЯ САУДОВСКО-ЭМИРАТСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

До «арабской весны» отношения Саудовской Аравии с ОАЭ (как и с другими монархиями Залива), не были лишены определенной напряженности, несмотря на их тесные экономические связи. Еще в 1971 г., когда образовались ОАЭ, Эр-Рияд препятствовал включению в состав нового федеративного государства Катара и Бахрейна [Khashan, 2018]. Давление Саудовской Аравии вынудило ОАЭ подписать Джиддинский договор 1974 г., по которому ОАЭ отказались от претензий на побережье залива Хор-аль-Удейд, связывавшее их с Катаром. Эр-Рияд отказывался признавать независимость ОАЭ до тех пор, пока их президент Зайед бин Султан не подпишет этот договор. Когда Халифа бин Зайед вступил в должность президента ОАЭ в 2004 г., он посетил Эр-Рияд и потребовал отмены договора, что привело к серьезному кризису между двумя государствами; на выход из этого кризиса потребовалось шесть лет.

Так, в декабре 2004 г. Эр-Рияд препятствовал реализации плана Катара и ОАЭ по строительству дамбы, которая соединила бы Абу-Даби и Доху, обеспечивая проезд между странами минуя территорию Саудовской Аравии [Al Mazrouei, 2017].

Показательным примером расхождений позиций ОАЭ и Саудовской Аравии стали попытки создания единой валюты ССАГПЗ. ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн и Саудовская Аравия более десяти лет пытались создать валютный союз. Важным предметом спора между Абу-Даби и Эр-Риядом, в целом поддерживающим эту идею, стало место размещения общего центрального банка. Вскоре после объявления в мае 2009 г. о размещении его штаб-квартиры в Эр-Рияде, ОАЭ отказались участвовать в инициативе, акцентировав внимание на чрезмерном усилении КСА в процессе принятия решений в регионе [*UAE withdraws*, 2009]. В ответ на это Саудовская Аравия временно закрыла свою границу для пересечения подданными ОАЭ [Al Mazrouei, 2017].

РАЗНОГЛАСИЯ В ПЕРИОД «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Несмотря на то что события «арабской весны» в Эр-Рияде и Абу-Даби изначально встретили достаточно враждебно, предпочитая сохранение статус-кво радикальным переменам, их стратегии в рамках разгоревшихся конфликтов не всегда были достаточно согласованными. Как уже упоминалось выше, одним из первых проявлений расхождения интересов стала гражданская война в Сирии. С первых месяцев сирийского кризиса ОАЭ не продемонстрировали готовность встать на одну из сторон, наблюдая за развитием событий, и только к августу 2011 г. Абу-Даби присоединился к решению Эр-Рияда и других столиц ССАГПЗ, осудивших действия режима Б. Асада в Сирии [Daher, 2019]. В ходе военной кампании в Сирии ОАЭ, в отличие от других монархий ССАГПЗ (в особенности Катара), последовательно избегали поддержки исламистских движений, в особенности ассоциируемых с «Братьями-мусульманами» (последних, впрочем, никогда не поддерживала и Саудовская Аравия, вместе с тем спонсируя некоторые другие сирийские исламистские группировки).

ОАЭ окончательно не разрывали свои отношения с Сирией. Сохранялись бизнес-контакты между странами [Daher, 2019]. Например, эмиратские банки (в отличие от саудовских) не ушли из Сирии даже в самый разгар санкционного давления со стороны Лиги арабских государств (ЛАГ) [Al-Kattan, 2015]. В 2015 г. Государственный министр иностранных дел А. Гаргаш прямо заявил, что «ОАЭ не хочет распада сирийских правительственных институтов» [*UAE is ready*, 2015]. Неудивительно, что ОАЭ одними из первых среди арабских государств перешли к активным действиям, направленным на

возобновление отношений с Сирией, восстановив свое посольство в Дамаске в 2018 г. и начав лоббировать возвращение других арабских государств к «нормальным» отношениям с республикой [Syrian Crisis, 2018].

Саудовская Аравия разорвала отношения с Дамаском уже в 2011 г. и последовательно выступала против режима Б. Асада. Наиболее активно, наряду с Катаром, поддерживая силы вооруженной оппозиции, Эр-Рияд спонсировал и исламистов, что не только противопоставляло его официальному Дамаску, но и находилась в выраженном контрасте с более умеренным подходом Абу-Даби [Ellison, 2016]. Несмотря на проведение ряда контактов по линии разведок, на официальном уровне Эр-Рияд вплоть до 2023 г. не соглашался с подходом ОАЭ, придерживаясь стратегии изоляции сирийского режима и оставаясь (вместе с Катаром) главным противником возвращения Дамаска в ЛАГ [Guzanski, Valensi, 2011].

Ярчайшим примером соперничества между Саудовской Аравией и ОАЭ стал йеменский кризис. В Йемене движение хуситов, захватившее столицу Сану и контролировавшее значительную территорию страны, было воспринято как угроза Саудовской Аравией. Эр-Рияд выступил инициатором создания арабской коалиции, вмешавшись в конфликт в Йемене для борьбы с хуситами и стремясь вернуть контроль над страной просаудовскому международно-признанному правительству. В состав арабской коалиции вошли и ОАЭ, региональные союзники монархий, а также разнородные местные силы, выступавшие против хуситов.

Саудовцы в первую очередь стремились к ослаблению хуситского движения, считая, что оно пользуется поддержкой Ирана, а Королевству было очень важно предотвратить усиление позиций своего экзистенциального противника в южной части Аравийского полуострова. Кроме того, усиление позиций хуситов могло дестабилизировать обстановку в Восточной провинции королевства, где проживает значительное шиитское меньшинство. ОАЭ заметно меньше боялись иранской угрозы, но при этом крайне негативно относились к йеменскому отделению «Братьев-мусульман» – Аль-Ислах, ведущему активную борьбу против хуситов. Поэтому Абу-Даби с самого начала военного конфликта искал союзников в Йемене, которые могли бы в дальнейшем противостоять и исламистам. Это подтолкнуло ОАЭ к поддержке некоторых салафитских групп в Адене, а также южнойеменских сепаратистов [Courtney, 2016]. Уже осенью 2015 г. в ходе битвы за Таиз ОАЭ отказались взаимодействовать с Аль-Ислах, поддержав Бригаду Абу-Аббаса, сформированную из салафитов Таиза и южных провинций Йемена [Muqbil, Transfeld, 2019]. Примечательно, что ОАЭ продолжили финансировать эту бригаду даже после того, как США внесли ее командира в список террористов.

Различие целей ОАЭ и Саудовской Аравии в йеменском кризисе показала и отправка войск ОАЭ на архипелаг Сокотра в 2018 г. для временного установления контроля над морским и воздушным сообщением острова с целью обеспечения стратегического господства над ключевыми торговыми маршрутами западной части Индийского океана [Grare, Samaan, 2022]. В результате как саудовские, так и эмиратские войска продолжили контролировать различные районы южноаравийской страны.

Важнейшим фактором йеменского кризиса стала проблема сепаратизма южан, стремившихся к восстановлению независимости аравийского юга от Северного Йемена. Именно здесь выявилось сильнейшее расхождение саудовской и эмиратской стратегий. ОАЭ с мая 2017 г. стали прежде всего опираться на Южный Переходный Совет (ЮПС), боровшийся за независимость Южного Йемена; именно южнойеменские сепаратисты стали главными эмиратскими прокси в Йемене [Day, 2020]. К 2019 г. ЮПС заметно повысил свой статус и вошел в состав официального правительства Йемена. ЮПС смог добиться официального признания в результате боевых действий, несколько раз разгоравшихся внутри арабской

коалиции между прокси Абу-Даби и Эр-Рияда. В апреле 2020 г. ЮПС, который в августе 2019 г. вытеснил вооруженные группировки, лояльные официальному (и поддерживаемому саудитами) президенту Йемена Абд-Раббу Мансуру Хади из Адена, провозгласил самоуправление в Южном Йемене. Уже весной 2022 г., когда в Йемене был сформирован Руководящий президентский совет, заменивший ушедшего в отставку Хади, в его состав вошло несколько представителей проэмиратских сил и членов ЮПС, что окончательно закрепило их место во внутренней политике Йемена [Ardemagni, 2022].

В Йемене ОАЭ выступили уже не «младшим партнером» Саудовской Аравии. Они сделали важный шаг в формировании самостоятельного регионального центра силы, бросив вызов Эр-Рияду и сформировав подконтрольные только Абу-Даби политические и военные структуры, которые стали важным фактором в южной части Аравийского полуострова. Отражением напряженности в саудовско-эмиратских отношениях на йеменском треке стали и события 2023 г., когда после восстановления дипломатических отношений Саудовской Аравии с Ираном Эр-Рияд предпринял шаги к завершению йеменского конфликта. Проводя односторонние переговоры с хуситами при посредничестве Омана, Саудовская Аравия не привлекла к ним не только представителей ОАЭ, но и членов арабской коалиции. Более того, в июне 2023 г. на востоке Йемена королевством был создан Национальный совет Хадраута – орган, направленный на сдерживание про-эмиратского ЮПС на территории бывшей Народно-Демократической Республики Йемен.

В целом активная политика ОАЭ и более сдержанный подход Саудовской Аравии прослеживаются во многих странах африканского континента. В гражданской войне в Ливии, где страны совместно оказали поддержку «восточному блоку» Хафтара, также проявилась новая более самостоятельная роль Абу-Даби. ОАЭ на политическом, экономическом и военно-техническом уровне поддерживало маршала Хафтара, в то время как поддержка Саудовской Аравией Хафтара была отнюдь не столь активна; Королевство стремилось прежде всего сдерживать усиление в регионе влияния турецко-катарского блока [Shay, 2019].

Политика Абу-Даби и Эр-Рияда в отношении стран Африканского Рога была преимущественно скоординированной и направленной на сдерживание влияния турецко-катарского альянса [Mansour, Ahmed, 2019]. Здесь, как и в Йемене, ОАЭ стремились к укреплению позиций лояльных Эмиратам сил, что должно было облегчить создание крупнейшего подконтрольного ОАЭ торгово-логистического хаба региона. Однако это ведет к формированию еще одного направления конкуренции с Саудовской Аравией, обладающей протяженным красноморским побережьем и стремящейся к развитию собственной портовой инфраструктуры [Feierstein, 2020]. Здесь достаточно показателен пример Джибути. Это государство считалось важнейшим партнером ОАЭ до апреля 2015 г., когда власти Джибути запретили деятельность в своей стране эмиратского портового оператора *DP World*, что привело к разрыву дипломатических отношений между странами. В то же самое время Эр-Рияд усилил свое взаимодействие со страной, заключил ряд соглашений в области военного сотрудничества, а в 2016 г. министр иностранных дел Джибути заявил о договоренности разместить военную базу Саудовской Аравии в стране [Djibouti agrees, 2016]. Наиболее ярко высокая степень самостоятельности политики КСА и ОАЭ в красноморском бассейне проявилась в начале 2020 г., когда Эр-Рияд, создав альянс Красного моря³ для обеспечения стабильности и безопасности региона, не пригласил к участию в данной инициативе Абу-Даби [Saudi Arabia and 7 countries, 2020].

Различие подходов проявились и в Сахеле, где ОАЭ выступали вместе с Саудовской Аравией в поддержку антитеррористических сил объединения пяти стран Сахеля

³ Саудовская Аравия объявила о создании этого альянса в декабре 2018 года. Кроме Королевства в него должны были войти Египет, Джибути, Сомали, Судан, Йемен и Иордания.

(Мавритании, Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада – G-5), выделив сотни миллионов долларов на обучение и подготовку местных солдат [Analysts, 2017]. Однако Абу-Даби пошла дальше в укреплении своих военно-политических отношений со странами региона. В частности, ОАЭ создали военную академию на территории Мавритании, занимающуюся подготовкой офицеров для всех соседних государств [Stambøl, Berger, 2023]. Укрепление своего политического присутствия ОАЭ дополнили усилением экономических связей с регионом, став крупнейшим экономическим партнером для стран Сахеля [Abderrahmane, 2022].

РАЗЛИЧИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Расхождения в позициях ОАЭ и Саудовской Аравии проявились и в рамках региональной дипломатии. Одним из примеров здесь можно считать Афганистан, где в 2011 г. Саудовская Аравия и ОАЭ конкурировали между собой в вопросе о том, кто будет выступать главным посредником в переговорном процессе между движением Талибан и США [Хайруллин, Коротаев, 2022(1)].

Наиболее ярко различия в стратегиях ОАЭ и Саудовской Аравии стали видны в последние годы. Заключив в августе 2020 г. Соглашения Авраама, ОАЭ опередили Саудовскую Аравию, которая в вопросе отношения к Израилю продолжает придерживаться арабской мирной инициативы, выдвинутой наследным принцем Абдуллой в 2002 г. [Мелкумян, 2021; Дорошенко, Шелковников, 2023]. В то же время Эр-Рияд не стал препятствовать зависимому от него Бахрейну в заключении аналогичного договора, так как считал, что это укрепляет его позиции в противостоянии с Ираном.

Несмотря на нормализацию связей с Израилем, ОАЭ улучшили отношения с Ираном значительно раньше, чем Саудовская Аравия, так как рассчитывали, что развитие отношений с Ираном поможет укрепить их позиции в конкурентных отношениях с Саудовской Аравией. Даже поддержав американскую кампанию максимального санкционного давления на Тегеран весной 2019 г.⁴, ОАЭ не прекращали всех экономических контактов с исламской республикой. Летом 2019 г. на фоне иранских атак на танкеры в Ормузском проливе ОАЭ не только прекратили военную поддержку усилий Саудовской Аравии в Йемене, но и начали дипломатические переговоры с Тегераном для снижения региональной напряженности. К концу 2021 г. Тегеран несколько раз посетил советник президента ОАЭ по национальной безопасности шейх Тахнун бин Зайед [Cafiero, 2022]. Эти активные шаги привели к возвращению посла ОАЭ в Тегеран уже в августе 2022 г., в то время как нормализация саудовско-иранских отношений произошла только в марте 2023 г.

Завершение «катарского кризиса» не сразу было принято в Абу-Даби. ОАЭ были инициатором продолжения давления на Доху [Roberts, 2017]. Подписание соглашения в Аль-Уле стало вынужденным шагом, поскольку без Эр-Рияда дальнейшая блокада была бессмысленной, а двусторонние контакты Эр-Рияда и Дохи, начавшиеся без Абу-Даби, делали бессмысленной блокаду Катара одними лишь Эмиратами [Escalonilla, 2022]. Вынужденный характер соглашения проявился и в темпах восстановления отношений с Дохой – в то время как после саммита в Аль-Уле Эр-Рияд быстро восстановил экономические и политические контакты с Катаром, а Абу-Даби не стремился к восстановлению связей на докризисный уровень [Qatar and UAE, 2022]. Даже после возобновления воздушного сообщения и торговых контактов перед Чемпионатом Мира по футболу, что соответствовало экономи-

⁴ ОАЭ присоединились к совместному с США давлению на Иран, когда Тегеран после выхода из соглашения по ядерной программе атаковал танкеры и корабли в Персидском заливе и недалеко от Фуджейры, нанеся ущерб имиджу ОАЭ как безопасному месту для ведения бизнеса.

ческим интересам страны, ОАЭ не восстановили дипломатические отношения с Катаром. Определенный прогресс появился только к началу 2023 г., когда контакты между первыми лицами государств стали более регулярными: после поездки президента ОАЭ Мохаммеда бин Зайеда в Доху на Чемпионат Мира в январе на саммит арабских лидеров в Абу-Даби прибыл эмир Катара шейх Тамим бин Хамад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, формирование неформального саудовско-эмиратского блока произошло в период «арабской весны» в качестве реакции на усиление транснациональной организации «Братьев-мусульмане» и их покровителей в лице Катара и Турции, а также региональных угроз со стороны Ирана.

Во-вторых, активные действия саудовско-эмиратского блока в регионе способствовали значительному ослаблению позиций «Братьев-мусульман» и аффилированных с ними движений на Аравийском полуострове, в странах Северной Африки и Африканского Рога, в Сирии, Иордании. Резкое ослабление политических позиций «Братьев-мусульман» способствовало заметному уменьшению роли Катара и Турции в регионе с параллельным укреплением позиций саудовско-эмиратского блока. Совместные действия Эр-Рияда и Абу-Даби по противодействию региональным угрозам привели к заключению в 2016 г. союзного договора, в котором большое значение уделялось именно военно-политическим вопросам.

В-третьих, наблюдается определенное усиление противоречий в политических позициях Саудовской Аравии и ОАЭ, обусловленное историческими предпосылками, разной ролью этих государств в региональной политике и особенностями их экономического развития. Несмотря на достаточно успешное взаимодействие во многих кризисах эпохи «арабской весны» и «арабской осени» (Бахрейн, Сирия, Йемен, Ливия), постепенно цели Абу-Даби и Эр-Рияда стали расходиться все сильнее, что вело к росту напряженности между ними. Наиболее ярко это проявилось в Йемене. Поддержав в ходе кризиса разные стороны внутри антихуситских сил, ОАЭ и Саудовская Аравия перешли в Йемене в состояние явно выраженной конфронтации через своих прокси, что поставило под угрозу их более широкое партнерство. Несмотря на то, что на официальном уровне ОАЭ и Саудовская Аравия демонстрировали стабильность союзнических отношений, их политика на Африканском Роге, в Сахеле и Северной Африке становилась все более разнонаправленной.

Противоречия между Абу-Даби и Эр-Риядом не ограничивались их позициями в военных конфликтах. В последние годы все более важным фактором становится их конкуренция в экономике и в дипломатической сфере. За исключением кризиса вокруг Катара, где Саудовская Аравия стала инициатором прекращения блокады, ОАЭ проявили себя более прагматичным игроком, способным не только завершать противостояния, которые становились им не выгодны, но и формировать новые союзы.

В целом в последние годы наблюдается определенное охлаждение в отношениях между Абу-Даби и Эр-Риядом. Это охлаждение усилила и ситуация в экономике, где протекционистские меры, принятые Саудовской Аравией, были направлены на усиление своих конкурентных позиций во взаимодействии с ОАЭ. Подтверждение этим тезисам можно найти и в рамках региональных контактов на высшем уровне, когда лидеры двух держав стали воздерживаться от посещения организованных друг другом официальных мероприятий: арабско-китайский саммит в Эр-Рияде в декабре 2022 г. прошел без главы ОАЭ, а арабский саммит в Абу-Даби без участия Саудовской Аравии, соответственно. Все вместе это позволяет предположить, что соперничество между ОАЭ и Саудовской

Аравией не только сохранится, но и будет нарастать в ближайшей перспективе. Несмотря на различия в региональной стратегии, саудовско-эмиратский блок, сформированный в ответ на вызовы «арабской весны», стал одним из наиболее значимых факторов в региональной политике и трансформации баланса сил в БВСА, однако партнерство между двумя рассматриваемыми Аравийскими монархиями имеет смысл охарактеризовать скорее как тактическое, чем стратегическое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Васильев А.М. *История Саудовской Аравии*. М.: Классика плюс, 1999 [Vasiliev A.M. *History of Saudi Arabia*. Moscow: Klassika plus, 1999 (in Russian)].
- Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. *Схватка за Ближний Восток. Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта*. М.: Ленанд, 2019 [Vasiliev A.M., Korotayev A.V., Isaev L.M. *Fight for the Middle East. Regional Actors in the Context of the Reconfiguration of the Middle Eastern Conflict*. Moscow: Lenand, 2019 (in Russian)].
- Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 11. С. 2–8 [Vasiliev A., Khayrullin T., Korotayev A. Qatari-Turkish Alliance Challenge for Regional Leadership. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 11. Pp. 2–8 (in Russian)].
- Дорошенко Г., Шелковников А. Новые векторы развития ситуации в регионе Персидского залива. *Международная жизнь*. 2023. № 3. С. 74–87 [Doroshenko G., Shelkovnikov A. New Developments in the Persian Gulf. *The International Affairs*. 2023. No. 3. Pp. 74–87 (in Russian)].
- Мелкумян Е.С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14. №2. С. 107–118 [Melkumyan E.S. Israel in Foreign Policy of the United Arab Emirates: From Confrontation to Normalization. *MGIMO Review of International Relations*. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 107–118 (in Russian)].
- Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Борьба между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Афганистане. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022(1). Т. 15. № 2. С. 240–252 [Khayrullin T.R., Korotayev A.V. The Struggle between the Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Bloc for the Influence in Afghanistan. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2022(1). Vol. 15. No. 2. Pp. 240–252 (in Russian)].
- Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Катарско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане. *Азия и Африка сегодня*. 2022(2). № 4. С. 29–36 [Khayrullin T.R., Korotayev A.V. Qatari-Turkish and Saudi-Emirati alliance: Struggle for influence in Sudan. *Asia and Africa today*. 2022(2). No. 4. Pp. 29–36 (in Russian)].
- Abderrahmane A. Mali to Dubai: artery for West Africa's booming illegal gold trade. *Institute for Security Studies*. 03.08.2022. <https://issafrica.org/iss-today/mali-to-dubai-artery-for-west-africas-booming-illegal-gold-trade> (accessed: 02.09.2024).
- Ali K. Muslim Brotherhood to Contest Libyan Elections as Independent Party. *The Tripoli Post*. 24.12.2011. <https://web.archive.org/web/20150505212829/http://www.tripolipost.com/article/detail.asp?c=1&i=7553> (accessed: 04.09.2024).
- Analysts: Sahel force funding shows Saudi 'serious' on terrorism fight. *The National News*. 16.12.2017. <https://www.thenationalnews.com/world/africa/analysts-sahel-force-funding-shows-saudi-serious-on-terrorism-fight-1.684876> (accessed: 23.03.2023).
- Ardemagni E. Yemen's Post-Hybrid Balance: The New Presidential Council. *Carnegie Endowment*. 09.06.2022. <https://carnegieendowment.org/sada/87301> (accessed: 02.09.2024).
- Ayesh M. Why Jordan needs Saudi Arabia. *Middle East Eye*. 12.06.2018. <https://www.middleeasteye.net/opinion/why-jordan-needs-saudi-arabia> (accessed: 04.09.2024).
- Cafiero G. The UAE-Iran Rapprochement: Causes and Effects. *Gulf International Forum*. 25.07.2022. <https://gulffir.org/the-uae-iran-rapprochement-causes-and-effects/> (accessed: 02.09.2024).
- Daher J. *The Dynamics and Evolution of UAE-Syria Relations: Between Expectations and Obstacles*. Badia Fiesolana: European University Institute, 2019.

Darwich M. Creating the Enemy, Constructing the Threat: The Diffusion of Repression against the Muslim Brotherhood in the Middle East. *Democratization*. 2017. Vol. 24. No. 7. Pp. 1289–1306.

Day S.W. The Role of Hirak and the Southern Transitional Council. *Global, Regional, and Local Dynamics in the Yemen Crisis*. Cham: Springer, 2020. Pp. 253–270.

Dickinson E. Saudi Action Puts Muslim Brotherhood in Kuwait on Spot. *Al-Monitor*. 10.03.2014. <https://www.al-monitor.com/originals/2014/03/muslim-brotherhood-kuwait-saudi-terror.html> (accessed: 02.09.2024).

Djibouti agrees to a Saudi military base on its territory. *AlArabiya*. 04.12.2016. <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2016/12/04/Djibouti-agrees-to-a-Saudi-military-base-on-its-territory> (accessed: 23.03.2023).

Donelli F., Dentice G. Fluctuating Saudi and Emirati Alignment Behaviours in the Horn of Africa. *The International Spectator*. 2020. Vol. 55. No. 1. Pp. 126–142.

Ellison D. FPI Bulletin: Saudi Arabia and the Syrian Civil War. *The Foreign Policy Initiative*. 15.04.2016. <https://www.jstor.org/stable/resrep07388> (accessed: 04.09.2024).

Escalonilla A. Mohammed bin Zayed visits Qatar for first time since blockade. *Atalayar*. 05.12.2022. <https://atalayar.com/en/content/mohamed-bin-zayed-visits-qatar-first-time-blockade> (accessed: 04.09.2024).

Feierstein G.M. The Impact of Middle East Regional Competition on Security and Stability in the Horn of Africa. *Middle East Institute*. 18.08.2020. <https://www.mei.edu/publications/impact-middle-east-regional-competition-security-and-stability-horn-africa> (accessed: 02.09.2024).

Freer C. Is the UAE's Fear of the Muslim Brotherhood Driving Its Yemen Strategy? *London School of Economics Middle East Centre Blog*. 28.06.2016. https://eprints.lse.ac.uk/85962/1/Is_the_UAEs_fear_of_the_Muslim_Brotherhood.pdf (accessed: 04.09.2024).

Grare F., Samaan J.-L. The Gulf Arab Monarchies: From Gateways to Strategic Players in the Indian Ocean? *The Indian Ocean as a New Political and Security Region*. F. Grare, J.-L. Samaan (eds.). Cham: Springer, 2022. Pp. 125–150.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer Nature, 2019.

Guzanski Y., Valensi C. Saudi Arabia and Syria: Calculating a New Route? *INSS*. 11.07.2011. <https://www.inss.org.il/publication/saudi-arabia-and-syria/> (accessed: 04.09.2024).

Al-Kattan R. Mapping the Ailing (but Resilient) Syrian Banking Sector. *Syria Studies*. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 1–36.

Ketchley N. *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Khashan H. Un-Brotherly Saudi-Emirati Ties. *Middle East Quarterly*. 2018. Vol. 25. No. 2. Pp. 1–8.

List of Groups Designated Terrorist Organisations by the UAE. *The National*. 16.11.2014. <https://www.thenationalnews.com/uae/government/list-of-groups-designated-terrorist-organisations-by-the-uae-1.270037> (accessed: 23.03.2023).

Madini T. The “Holy Alliance” between Qatar, Ennahda, and the Takfiri currents. *Al Wahdah Al-Islamiyyah*. 2014. <https://www.wahdaislamyia.org/issues/145/tmadini.htm> (accessed: 04.09.2024) (in Arabic).

Mansour S.A., Ahmed Y.Y. Saudi Arabia and UAE in the Horn of Africa: Containing Security Threats from Regional Rivals. *Contemporary Arab Affairs*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 99–118.

Masbah M. Between Preaching and Activism: How Politics Divided Morocco's Salafis, *MIPA*. 13.05.2018. <https://mipa.institute/archive/5615> (accessed: 02.09.2024).

Al Mazrouei N.S. The Revival of the UAE–Saudi Arabia Border Dispute in the 21st Century. *Journal of Borderlands Studies*. 2017. Vol. 32. No. 2. Pp. 157–172.

Muqbil K., Transfeld M. Research Debrief: Status of the Abu al-Abbas Group in Taiz. *Yemen Policy Center*. 09.01.2019. <https://www.yemenpolicy.org/the-status-of-abu-al-abbas-group/> (accessed: 04.09.2024).

Al-Noqaidan M. Muslim Brotherhood in UAE: Expansion & Decline. 2010. <https://studylib.net/doc/10064837/muslim-brotherhood-in-uae-1-> (accessed: 04.09.2024).

Qatar and UAE leaders meet for first time since Gulf crisis ended. *Al Jazeera*. 06.02.2022. <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/6/qatar-and-uae-leaders-meet-for-first-time-since-gulf-crisis-ended> (accessed: 23.03.2023).

Ragab E. Beyond Money and Diplomacy: Regional Policies of Saudi Arabia and UAE after the Arab Spring. *The International Spectator*. 2017. Vol. 52. No. 2. Pp. 37–53.

Roberts D.B. Qatar and the UAE: Exploring divergent responses to the Arab Spring. *The Middle East Journal*. 2017. Vol. 71. No. 4. Pp. 544–562.

Saudi Arabia and 7 countries form council to secure Red Sea and Gulf of Aden. *Arab News*. 06.01.2020. <https://www.arabnews.com/node/1609121/saudi-arabia> (accessed: 04.09.2024).

Stambøl E.M., Berger T. Transnationally entangled (in) securities: The UAE, Turkey, and the Saharan political economy of danger. *Security Dialogue*. 2023. Vol. 54. No. 5. Pp. 493–514.

Shay S. *The escalation of the war in Libya*. Alimos: Research Institute for European and American Studies, 2019.

Syrian Crisis Can Not Be Resolved Via Military Solutions – UAE Foreign Minister. *Sputnik*. 10.04.2018. <https://sputniknews.com/middleeast/201804101063407594-syria-crisis-not-military-solutions/> (accessed: 04.09.2024).

Tok E. The Gulf Cooperation Council States: Crystallization of the Regional Cooperation and Alliances amid Dwindling Resources. *Digest of Middle East Studies*. 2021. Vol. 30. No. 1. Pp. 53–69.

UAE is ready to participate in the fight against terrorism. *Al-Mayadeen*. 02.12.2015. <https://www.almayadeen.net/news/politics/609377/> (accessed: 02.09.2024). (in Arabic).

UAE withdraws, weakens Gulf monetary union plan. *Reuters*. 20.05.2009. <https://www.reuters.com/article/emirates-fxunion-idUKLK3646220090520> (accessed: 04.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич – доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Россия.

Andrey V. KOROTAYEV, DSc (History), Professor, Director, Center for Stability and Risk Analysis, HSE University; Chief Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ХАЙРУЛЛИН Тимур Радикович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, старший преподаватель Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ Москва; старший научный сотрудник СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Timur R. KHAYRULLIN, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Senior Research Fellow, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

ШЕЛКОВНИКОВ Андрей Игоревич – аспирант, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Andrey I. SHELKOVNIKOV, postgraduate student, HSE University, Moscow, Russia.